

текстах скрыт едва ли не весь «энергетический запас» современного философствования.

Как и всякий философ, Валерий Подорога пишет и, видимо, будет писать всю жизнь один и тот же – бесконечный – текст. «Метафизика ландшафта» – это застывший фрагмент текстовой лавы, остановленное мыслительное движение, которое, если следовать этике автора, не должно останавливаться. Отсюда естественное для Подороги стремление к переделыванию, переписыванию книги, стремление, которое, будучи сформулированным в виде правила, могло бы гласить: не дать тексту умереть в книге (произведении). Результатом применения этого правила станет книга Подороги «Выражение и смысл» – обновленный и дополненный вариант «Метафизики ландшафта», который вскоре будет опубликован в серии «Философия по краям».

Денис Голобородько

Касание и взгляд: антропология тела

Как сегодня философски говорить о теле? «Тел» как никогда много, но они как никогда закрыты для понимания. Однако критика сознания и критика интеллекта, предпринятая Ницше и Бергсоном, может быть, еще вовсе не завершена...

«Феноменология тела. Введение в философскую антропологию»¹ – одна из первых книг на русском языке, где был представлен целостный подход к проблеме философской репрезентации тела. Название книги указывает на то, что в ней используется феноменологический метод. Следует отметить: это одна из немногих книг, где феноменология не просто описывается, но и *применяется*, где она представлена «в действии» («en effet»). Феноменология здесь, скорее, гегелевская, чем гуссерлевская: представление понятия «тело» дано в его развитии. От трансцендентальной феноменологии ее отличает то, что если в первой исходной средой исследования является сознание, очищенное от элементов мира (так называемое «живое настоящее»), то здесь анализ начинается в точке «сплетения», или «расщепления», – «хиазма» – сознания и мира. У этой феноменологии есть своя отличительная черта: движение чистой мысли часто пересекается линиями текс-

¹ Подорога В.А. Феноменология тела. М.: Ad Marginem, 1995.

тов – аналитических и не только. В этом состоит особенность мышления, отличающая *современную* философскую антропологию. Для философа сегодня всегда есть не просто чистый предмет мысли, но и набор окружающих его интерпретаций, понятийных схем. Восприятие читателя выстраивается как участие в *живом становлении* мысли, ее определении через схождение и расхождение различных смысловых линий – иногда через сходство, иногда через размежевание и критику.

Одной из центральных, хотя и не в первую очередь предъявленных разработок книги, является анализ понятия Leib-Körper (тела-плоти), введенного Гуссерлем для описания тела как особой «предметности» – не как объекта, а как феномена. Зачем привлекается этот небольшой фрагмент «Идей»? На наш взгляд, для того чтобы продемонстрировать, что трансцендентальная феноменология максимально близко подходит к открытию живого тела. Где, согласно Гуссерлю, можно найти его достоверную данность? Там, где я сам касаюсь, например, своей руки, где я не только чувствующий, но и чувствуемый – одновременно. А если я касаюсь руки Другого?.. Можно ли в этом случае говорить о достоверности чувства? Но Гуссерль не идет дальше, он не разрабатывает свое открытие тела-феномена. Он полагает, что достаточно просто указать на это живое тело, существующее в измерении настоящего времени. И, кроме того, превосходство субъекта *уже* констатировано в трансцендентальной феноменологии: меня чувствуют в той мере, в какой чувствую я; это значит, что я таков, каким сам себя воспринимаю, и поскольку я воспринимаю, я могу воспринимать себя также и воспринимающим. Практически во всех значительных философиях XX века мы найдем попытку нарушить непоколебимость этого глубоко картезианского феноменологического убеждения. В том или ином виде она присутствует у Хайдеггера, Левинаса, Деррида, Делёза и других. В «Феноменологии тела» эта современная критика учитывается и продолжается. Здесь разрабатывается, если можно так сказать, понятийная матрица, которая позволяла бы преодолеть представление о теле как производном от сознания, обосновать возможность мыслить различие многообразных способов нашего телесного присутствия и разработать бо-

лее тщательный современный понятийный аппарат телесности: тело-порог, тело-объект, «мое» тело, тело-аффект..

«Картезианское Эго, это “чистое Я”, оказывается совершенно удивительной формой присутствия-в-мире (совпадающей с формой его познания), в сущности, не имеющей какой-либо референции к непосредственному или воображаемому телесному опыту»².

«Но можно начать движение и в другом направлении: *описать психогенезис Я-чувства*. Отказаться от техники трансцендентальной редукции, полагающей с самого начала, что от Я, “сознания”, “операций рефлексии” как символов человеческой разумности, т.е. самого *человеческого*, нам никогда не освободиться»³.

В одном из своих интервью Мишель Фуко указывает на существенную трансформацию философской мысли, произошедшую в течение XX века. Он говорит, что если в 30–40-е годы основное влияние на умы оказывали феноменология и экзистенциализм, то в 50–60-е «произошло важное изменение в теоретической рефлексии в том виде, как она развивалась, особенно во Франции: все меньшую важность придавали непосредственному, пережитому, глубинному опыту индивидов. Зато все возрастающей важностью наделялись отношения вещей между собой, культуры, отличные от нашей, исторические феномены, экономические феномены»⁴. Также и во французском психоанализе «обращались не к пережитому опыту индивидов, имели дело не с ним, хотели прояснить не его, но структуры бессознательного, не сознания, а бессознательного»⁵. Можно сказать, что направление, в котором движется мысль, претерпевающая развитие от феноменологической антропологии к антропологии аналитической, располагается в том же измерении: от тела как феноменологической и экзистенциальной данности, представляющей единое и всеобщее основание присутствия-в-мире, к телу множественному, телу как до-

² Там же, с. 34–35.

³ Там же, с. 36.

⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Т. 3. М.: «Праксис», 2006, с. 12.

⁵ Там же.

концептуальному условию, определяющему многообразие форм этого присутствия. Идея касания, понятого феноменологически как тактильное (само-касание, само-восприятие), преодолевается в этом движении через идею касания мира и касания Другого, которое, в свете размышлений Лакана и Сартра, понимается уже прежде всего оптически. Желание Другого предшествует появлению моего тела, которое рождается из касания тела Другого. Но тактильному касанию предшествует «желание-коснуться-Другого», воплощением которого является взгляд. «Я должен желать плоти Другого, чтобы проявилась моя собственная, чтобы они стали взаимозаменяемыми, обратимыми в одном оптическом акте»⁶. Взгляд извлекает меня из моего тела, преодолевает его картезианскую закрытость на себе, поскольку он «определяется нехваткой объекта желания». «Когда я вижу, *я есть взгляд*, но в таком случае тот, на кого этот взгляд падает, не может *видеть меня* <...> он видит только мой взгляд...»⁷

Эта концепция получает развитие в анализе соотношения, существующего между «видеть» и «говорить». Нужно обратить внимание на мысль, что язык закрывает нам доступ к реальности: слова дают лишь иллюзию того, что мы касаемся мира. Язык начинается там, где мы перестаем видеть: там, где появляется абсолютное зрение и глаз-инструмент («глаз-бельмо»), – и тогда то, что мы видим, – это мертвое тело. Иллюзию всемогущества языка атакуют современное мышление и искусство, описывая при этом до-языковую реальность как несуществующую (по этому принципу в статье «Навязчивость взгляда» объединены Фуко, Магритт и Витгенштейн). Да, следует согласиться: граница языка – это граница реальности, но эту мысль следует дополнить топологическим пониманием границы как линии катастрофы восприятия, или События. Безусловно, мы воспринимаем всегда посредством «наименования-указывания», в котором нуждается наше воображение, чтобы некоторое «что» «закрепить в качестве

⁶ Подорога В.А. Указ. соч., с. 42.

⁷ Там же.

самой вещи»⁸. Но мы никогда не видим «что», мы всегда «видим как». «Видение как...» не принадлежит восприятию» (Витгенштейн). В восприятии есть «невоспринятое» – «промежуток *нейтрального времени*... где не мы воспринимаем, но... оказываемся воспринятыми»⁹. Субъект-наблюдатель претерпевает становление-другим. «Вот что нужно понять: там, где я обладаю “моим” взглядом, там и я лишен возможности воспринимать себя в качестве воспринимающего»¹⁰.

Феноменологическая антропология здесь заканчивается и начинается антропология аналитическая. Нет никакого единого условия присутствия-в-мире, есть только принципиально открытый ряд таких несводимых друг к другу условий. То, о чем можно сказать, что оно есть, – это «единый образ тела», «на пути движения которого мы застаем наши тела-пороги, и именно они создают завихрения, отклонения, вибрации, которыми мы, в сущности, и воспринимаем мир...»¹¹. И чтобы воспринять эти восприятия, требуется каждый раз, в каждый конкретный момент анализа, создавать особые понятия, служащие целям реконструкции неустранимой множественности присутствий.

⁸ Подорога В.А. Навязчивость взгляда. Мишель Фуко и живопись. – В кн.: Фуко М. Это не трубка. М.: «Художественный журнал», 1999, с. 130.

⁹ Там же, с. 129.

¹⁰ Там же, с. 130.

¹¹ Подорога В.А. Феноменология тела, с. 20.